

АЗБУКА
БЕСТСЕЛЛЕР

Майкл Маршалл
Смит

ХАННА ГРИН
и ее невыносимо
обыденное
существование

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
С 50

Michael Marshall Smith
Originally published in the English language
by HarperCollins Publishers Ltd. Under the title
HANNAH GREEN AND HER UNFEASIBLY
MUNDANE EXISTENCE

Copyright © Michael Marshall Smith 2017
All rights reserved

Перевод с английского Александры Питчер

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Иллюстрация на обложке Ольги Закис

ISBN 978-5-389-15103-1

© А. Питчер, перевод, 2019
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

*Для Нейта,
который кое-что из этого услышал первым
и без которого всего этого не было бы*

Цель наших поисков — не новое место,
но скорее новый взгляд на вещи.

Генри Миллер.

Биг-Сур и апельсины Иеронима Босха.

Перевод В. Минушина

Тогда

Представьте себе, если вам угодно, мастерскую часовщика.

Впрочем, не важно, угодно вам или нет, вы просто ее представьте. Потому что именно там произойдет что-то вроде бы и не особенно важное, но впоследствии окажется, что это очень важно, и если вы не готовы слушать мой рассказ, то оно не сработает.

А поэтому...

Представьте себе то, что я только что сказал.

Наверное, стоит добавить, что мастерская находится на первом этаже старого ветхого здания, в каком-то дальнем городке. Мастерская захлавленная и запыленная, чист только верстак часовщика. Хозяину, человеку преклонных лет, порядок на рабочем месте важнее состояния мастерской.

Осенний день клонится к вечеру, смеркается. Холодно. Тихо. В мастерской тускло горят свечи, и часовщик — если вам угодно, представьте себе, как он склонился над верстаком в полумраке, — для тепла кутается в несколько слоев одежды. Он ремонтирует часы, сделанные им несколько десятилетий назад для какого-то местного аристократа. Часовщик полагает, что на работу у него уйдет

минут тридцать, после чего он закрывает мастерскую на замок и пойдет по узким улочкам к своему дому, где после смерти жены живет в одиночестве, если не считать дряхлого сердитого кота. По дороге домой он купит кое-какой еды и пакетик мятных пастилок, которые очень любит. Часовщик. Не кот.

Часы, которые он ремонтирует, очень сложные и для времени своего создания новаторские, но часовщик знает, что начини он работать над механизмом сейчас, то сделал бы все иначе. За прошедшие годы он многому научился. Но теперь он ничего нового не создает. И давно не создавал. История его жизни уже рассказана. Он просто ждет ее последнего слова.

И все же глаза его по-прежнему зорки, а пальцы ловки, и на починку часового механизма уходит всего десять минут. Старый мастер собирает часы, полирует футляр рукавом. Готово. Закончено.

Он встает, не выпуская часов из рук. Хорошо разбираясь в устройстве сложных механизмов для измерения времени, он ощущает их скрытое движение, почти неуловимую вибрацию, как еле слышный шорох крошечного зверька, прикорнувшего в горсти.

И он ощущает кое-что еще.

Бесчисленное множество ощущений облаком заполняет его ум, как звуки церковного органа, взмывающие к небесам. Дети. И внучка. Не его, конечно же, потому что часовщик бездетен; в долгом и счастливом браке у него не было потомства. Те, кто произвели его на свет, его родители, и их

родители, и далекие предки. Он осознает не просто абстрактный факт их существования, но их реальность, их сложность, как если бы он был солистом в концерте собственной жизни, поддерживаемым слаженными мелодиями остальных.

Он осознает также, что, хотя сияние свечей озаряет отдельные участки мастерской, есть здесь и темные углы, и сумрачные закутки. Вся его жизнь была вот такой, не растянулась прямо, как полотнище между двумя флажштоками, а плыла по извилистым руслам, где «тик» и «так» всего лишь отмечают некие крайности.

Он задумывается, как он оказался здесь этим студенным днем. Какие бесчисленные события привели его сюда?

И почему?

Он качает головой, морщит лоб. Его редко занимают подобные мысли. Как правило, он не ощущает непонятного страха, который сейчас неумолимо подкрадывается к нему. Вот-вот случится что-то зловещее.

Жди дурного гостя...¹

Он слышит шаги на улице. Чуть оборачивается к окну, но не видит, кто приближается. Оконные стекла замызганные. Их уже много лет не мыли. В них не заглядывают любопытные. Знаменитое имя на вывеске говорит само за себя, а часовщику претит мирская суета, он ценит уединение за мутными стеклами.

Но сейчас ему очень хочется знать, кто идет. Неужели вот так и окончится его жизнь?

---

¹ *«Жди дурного гостя»* — вошедшая в поговорку цитата из пьесы У. Шекспира «Макбет». Перевод Ю. Корнеева.

Он поворачивается к верстаку, что-то перебирает, ждет.

Дверь отворяется.

Нет-нет. Прошу прощения. Ничего такого не воображайте.

Все не так. Я хотел рассказать историю с самого начала.

В этом и ошибка. Так нельзя. С тех пор я исправился, затвердил урок, и мне самому любопытно, не начал ли я в тот давний студеный день смутно понимать свое упущение. Жизнь совсем не такая, как часовой механизм, который можно сконструировать, а потом подкрутить завод и привести в движение.

Начала нет. Мы всегда в середине.

Ладно. Слушайте, начну-ка я заново.

ЧАСТЬ I

История — одушевленное существо,
не совокупность, не аллегория
и не психологический этюд.

Мартин Шоу. Заснеженная башня

Глава 1

Так вот. Как я уже говорил, это история. А истории непредсказуемы и пугливы, как кошки. К ним надо подходить медленно и осторожно, с уважением, иначе они ускользнут, и только их и видели. Люди сочиняют истории с тех самых пор, как появились на Земле, а может, и раньше. Есть истории древние, сложенные еще до возникновения речи, — их рассказывали жестами, побряхтываниями, движениями глаз; эти истории по-прежнему обитают в шорохе листвы и плеске волн, а их призраки скрываются в рассказах, известных нам и сегодня.

Будь хорошим, будь осторожным.

Остерегайся той пещеры; того леса; того человека.

Однажды солнце покроется тьмой и мы спрячемся.

Но всем историям — я имею в виду настоящие истории, а не повествования о языкатых подростках, которые становятся шпионами-ниндзя, или о занудных людях среднего возраста, утомленных обеспеченной жизнью в обществе развитого капитализма, которые сбегают в Барселону, открывают там крошечную книжную лавку и встречают свою единственную любовь, — необходимо,

чтобы мы выжили. Люди — не только тучи, проливающиеся ливнями историй, но и осколки стекла, проходя сквозь которые свет историй концентрируется так резко, что обжигает.

Люди и истории необходимы друг другу. Мы их рассказываем, но и они рассказывают нас, протягивают мягкие ладони, широко раскрывают объятия. И это случается всякий раз, когда мы увязаем в жизни и не находим в ней смысла. Нам всем нужен путь, и бывает, что истории возвращают нас на него.

Именно это и произошло с Ханной Грин. Она попала в историю.

Вот так оно и было.

Ханна живет в городке под названием Санта-Круз, на побережье Северной Калифорнии. В центре много магазинов здорового питания, супермаркет «Сейфвей», кофейни, кинотеатры, библиотека и прочие заведения, без которых не может обойтись ни один уважающий себя город. Там находится одно из отделений системы Калифорнийского университета, а на пляжном променаде расположен знаменитый парк развлечений, где можно, если захочется, до одури кататься на всяких аттракционах. Там есть комната страха, карусели, тир, пятый из старейших ролл-костеров в США (тот самый «Гигантский ковш», на котором Ханна с бабушкой однажды прокатились, что произвело на обоих отвратительное впечатление, а бабушка назвал аттракцион «потенциальным злодейством») и множество ларьков, торгующих корн-догами, чесночной карто-

фельной соломкой и гранулированным наномороженым «Диппин дотс». Дети в Санта-Крузе ужасно расстроены тем, что им не позволяют ходить в парк каждый день.

Сюда приезжают многочисленные туристы, бродят по пляжам, занимаются серфингом или лакомятся морепродуктами, но город, как не раз говаривала мама Ханны, весьма напоминает остров. Невысокий горный хребет Санта-Круз, поросший секвойями и соснами, отделяет город от Кремниевой долины и Сан-Хосе. Когда-то в лесах водились волки и медведи, но люди от них избавились, чтобы облегчить жизнь себе и любителям пеших прогулок. На юге простирается побережье залива, где нет ничего интересного, кроме плантаций артишоков, чеснока и прочих овощей для взрослых, до самого Монтерея, Кармела и скалистых пустошей Биг-Сура. К северу от города миль на семьдесят тянется пустынное и очень красивое побережье, а потом попадаешь в Сан-Франциско, который все в округе называют «большим городом». В общем, похоже, что Санта-Круз вроде бы отрезан от остальной Калифорнии (и от мира), но, к счастью, все его обитатели довольны таким положением дел. Так иногда говорила мама Ханны, но при этом не улыбалась.

Вот только в последнее время Ханна почти не слышала маминых разговоров. Прежде чем она попала в историю, которую я сейчас рассказываю, она уже была героиней нескольких историй, в частности «Повести об одиннадцатилетней девочке», «Рассказа о противных абсолютно прямых русых волосах», «Хроники о беспричинно

вредной подруге Элли» и «Саги о совершенно несправедливом запрете завести котенка». С недавних пор одна из историй в жизни Ханны заняла такое важное место и так сильно изменила многое, что затмила собой все остальные истории.

Это была старая, печальная и непонятная история под названием «Мама с папой больше не живут вместе».

Ханна точно знала, когда именно началась эта история, в какой миг некий злобный дух наморщил лоб, подумал: «А что, если...» — и принялся портить ей жизнь.

Все началось в субботу, когда они поехали в Лос-Гатос. Мама Ханны любила Лос-Гатос, милый и чистенький городок, где были магазины, которых не было в Санта-Крузе. Папа Ханны без особого энтузиазма относился к получасовой поездке по горной дороге (самой опасной трассе на свете, если верить папиным словам, с которой открываются восхитительные пейзажи и на которой постоянно случаются автокатастрофы, а еще трудно сохранять хладнокровие, сознавая, что трасса пересекает геологический разлом Сан-Андреас), но фирменный магазин «Эпл», кофейня и очаровательная площадь у любимого ресторанчика позволяли ему вполне приемлемо провести утро, пока Ханна с мамой ходили по магазинам.

За этим обычно следовал обед в непринужденной обстановке. Их любимый ресторанчик был светлым и просторным, с дружелюбными официантами в красивой форменной одежде, которые принимали заказ и тут же приносили корзиночки с булочками и прочей выпечкой, а мама с па-

пой не очень хотели, чтобы Ханна наедалась хлебом. Пока ждали еду, мама с папой переговаривались, пили вино, а мама Ханны показывала папе кое-какие покушки (хотя, как заметила Ханна, далеко не все).

В общем, воспоминания Ханны о Лос-Гатосе были приятными, но однажды, полгода назад, она схватила крошечную булочку и покосилась на маму, которая смотрела в окно. Мамино лицо было отрешенным и печальным.

Ханна удивилась — обеды в Лос-Гатосе обычно проходили весело, хотя в последнее время веселье стало каким-то пронзительным и натужным, — и взглянула на отца.

Он смотрел на маму. Без отрешенного выражения, но печально.

— Пап?

Он заморгал, будто спросонья, и отчитал Ханну за булочку, хотя и не очень искренне. Мама продолжала смотреть в окно, словно увидела что-то в далекой дали и раздумывала, не выскочить ли прямо сейчас из-за стола и не броситься ли за этим чем-то, пока оно не исчезло из виду.

Принесли заказанные блюда, все поели, а потом поехали домой и с тех пор в Лос-Гатос не возвращались. Ханна решила, что именно с этого обеда и началось все плохое.

Потому что спустя два месяца мама уехала из дома.

В целом почти ничего не изменилось. Ханна ходила в школу, делала домашние задания, по вторникам посещала уроки французского (факультативно, потому что мама считала необходи-

мым знать иностранный язык, хотя ближайшим местом, где говорили по-французски, наверное, была Франция). Папа ездил в магазин за продуктами и готовил ужин — мама Ханны часто отправлялась в служебные командировки по Америке и Европе, так что всегда досадовала и злилась на кухонную плиту и духовку, — и все шло как обычно.

Однако же есть разница между «мама в отъезде до выходных» и «мама в отъезде непонятно на сколько». Кухонный стол становится огромным. Посудомоечная машины шумит слишком громко.

На неделю приехал погостить дедушка — точнее, его вечные странствия по миру наконец-то занесли его в Санта-Круз, — и это было здорово. Он вел себя как обычно, мастерил странные фигурки из всякой ерунды, подобранной на прогулках, и дремал в кресле (как он выражался, «давал отдых глазам»). Однажды он приготовил ужин, хотя трудно было понять, что это за блюдо, и попытался помочь Ханне с домашним заданием по естествознанию, но минут десять недоуменно глядел на вопросы, а потом сказал, что они все неправильные.

Несколько раз к ним приходила Зои, провести время с Ханной. Тете Зои было двадцать восемь. Она жила в большом городе и была своего рода художником. Крашеная блондинка с ужасно ершистой стрижкой и татуировками, она постоянно одевалась во все черное и была папиной сестрой, намного его младше, и Ханна заметила, что Зои с папой смотрят друг на друга с настороженным удивлением, будто не верят, что они во-

обще родственники и принадлежат к одному и тому же виду живых существ. К тому же Ханна не очень понимала, что такое «своего рода художник». Она догадывалась, что это не самое лестное выражение, потому что так Зою называла мама, а мама Ханны и Зою не всегда ладили. «Своего рода художник» явно отличался от просто художника, ведь, как показывали многочисленные проверки, тетя Зою вообще не умеет рисовать.

Тетя Зою была дружелюбной и веселой; она изо всех сил старалась внушить Ханне, что, хотя родители Ханны сейчас не живут вместе, это не означает, что мама или папа ее разлюбили. Случается, что люди всю жизнь проводят вместе, а случается, что нет. Это их личное дело, и никто из посторонних никогда не сможет понять, почему так происходит. Иногда на это имеются важные причины, иногда — странные, а иногда это случается потому, что ничего нельзя исправить. А иногда причина бывает самой обыденной.

Ханна не знала слова «обыденная». Тетя Зою махнула рукой и невнятно пояснила: «Ну, понимаешь... обыденная».

Потом Ханна нашла это слово в интернете. В интернете говорилось, что оно обозначает нечто, «имеющее отношение к обычным жизненным проблемам». Объяснение ничего особо не проясняло до тех пор, пока Ханна не сообразила, что это всего лишь второе значение слова и что его чаще употребляют в смысле «ничем не примечательный, неинтересный».

Тут Ханна кивнула. Она не совсем понимала, как может быть неинтересно то, что мама с па-

пой не живут вместе, но начала сознавать, что неинтересной постепенно становится вся ее жизнь.

Потом Зои приехала с ночевкой, посидеть с Ханной, потому что папа уехал в командировку в Лос-Анджелес. Ханна ввернула слово «обыденный» в разговор и с удовольствием заметила улыбку тети. Осмелев, Ханна спросила, не проще ли в следующий раз ей самой съездить в гости к тете Зои, в большой город. Ей казалось (о чем она говорить не стала), что там у них будет больше возможностей сдружиться и найти какие-нибудь новые развлечения, в отличие от ничем не примечательных и неинтересных. Зои ответила: «Да, наверное» — и предложила сделать попкорн и посмотреть кино.

Что бы там ни означало слово «обыденный», Ханне хватало сообразительности понять, что «да, наверное» обычно значит «нет».

В общем, жизнь тянулась, как длинная передача в телевизоре, который невозможно выключить. Ханна ходила в школу, ела и спала. Каждые несколько дней мама присылала ей письмо по электронной почте, и раз в неделю они разговаривали по скайпу. Мейлы были короткими, все больше о погоде в английском городе Лондоне, где работала мама. Телефонные разговоры были лучше, но иногда казалось, что в роли мамы теперь другая актриса.

Ханна поняла, что когда (и если) мама все-таки вернется, то вряд ли станет жить вместе с Ханной и папой. Во всяком случае, не сразу. Без мамы было трудно, но терпимо. Мысли о маме Хан-

на сложила в воображаемый ларец, прикрыла его (не очень плотно, но так, чтобы мысли оттуда не высовывались и не заставляли ее плакать) и сказала себе, что туда можно заглядывать когда угодно. Воображаемый ларец был золотым и богато украшенным, как в сказке.

Еще труднее было без папы, хотя он всегда был рядом.

Он был рядом, но на самом деле его не было. В нем переменялось все, кроме внешности (хотя он часто выглядел усталым, а глаза больше не улыбались). Он обнимал ее перед сном. Он обнимал ее у ворот школы. Когда было что сказать, один говорил, а другой слушал. Но иногда Ханна неслышно входила в комнату, смотрела на папу, а его будто бы не было.

А в остальном ничего не изменилось.

Школа.

Домашние задания.

Еда.

Сон.

Школа.

Домашние задания.

Еда.

Сон...

...как волны, плещущие о пустынный берег. Жизнь стала скучной, серой и спокойной еще и потому, что все взрослые, с которыми общалась Ханна — учителя, родители ее друзей и даже языкатый тренер в спортзале, — теперь относились к ней иначе. Они были внимательными, заботливыми, постоянно улыбались и заглядывали ей в глаза. Из-за этого мир словно бы утратил ост-

рые края и все углы сгладились. Исчезли форма, цвет и движение, а также ощущение света и тени. Все превратилось в какой-то туман, будто живешь в облаке.

Однажды осенью Ханна сидела у окна и смотрела, как по дереву у дома прыгает белка. Зверек был таким живым и веселым, что Ханна ему позавидовала и внезапно поняла: ее жизнь стала «обыденной».

Ужасно, невыносимо обыденной.

Что ж, пожалуй, с этого и начнем.

Не волнуйтесь, дальше будет интереснее. Все это еще пока не история. Это предыстория, общий фон, знакомство с прошлыми и развивающимися историями, чтобы выбрать подходящее время и сказать: «А теперь давайте посмотрим, что случилось дальше».

Мы всё увидим.

Но прежде чем продолжать историю Ханны, надо познакомиться еще кое с кем.

Глава 2

Тем временем на веранде гостиницы «Палас-отель» в районе Саут-Бич, Майами, дремал старик.

«Палас-отель» — одна из множества гостиниц в стиле ар-деко на полумиле побережья; в 1980-е годы их бывшее великолепие восстановили, однако теперь они снова постепенно возвращались к прежней ветхости, будто такое состояние было для них самым удобным. На коленях старика лежала местная газета, но он ее не читал. На столике, в тени зонта, стоял бокал чая со льдом, и его содержимое давно достигло температуры окружающей среды. В чае трепыхалось какое-то крупное насекомое, будто пловец вольным стилем. Официант, который обслуживал веранду, неоднократно подходил к столику узнать, не хочет ли старый хрыч заказать новый напиток. Всякий раз оказывалось, что глаза старика закрыты. Он давно уже сидел без движения.

Однако же официант решил сделать еще один заход. Через полчаса кончалась его смена. Что, в сущности, было замечательно. День выдался жаркий и душный, официант мечтал вернуться в свою обшарпанную квартирку, принять душ, пару часов посидеть на балконе, покуривая ма-

рихуану, а потом отправиться в город в надежде подцепить какую-нибудь дамочку в разводе, упившуюся «маргаритой», а если не повезет, то просто надратся в зюю. Посетителей на веранде было немного. В эту смену официанту досталось до смешного мало чаевых (а он припозднился с квартилатой), поэтому он и решил — время близилось к пяти, — что хорошо бы впарить старперу в мятом костюме большой бокал вина или какой-нибудь дорогуций коктейль.

Официант подошел и выжидающе замер рядом.

Во сне голова старика склонилась на грудь, так что виден был только бледный лоб, покрытый возрастными пигментными пятнами, внушительный шнобель и зачесанные назад волосы снежной белизны и завидной густоты. Крупные бледные руки, тоже в старческих пятнах, лежали на коленях, костляво выпиравших из-под льняной ткани черного костюма. Кто, ради всего святого, носит черное во Флориде?

Официант кашлянул. Ответа не последовало. Он снова кашлянул, на этот раз громче.

Сознание медленно возвращалось.

Казалось, оно возвращается из невообразимой дали, потому что это было не обычным пробуждением. Старик не просто проснулся. В тот день он очнулся от глубочайшего сна.

Он открыл глаза и не понял, где находится. Было жарко. И светло, но, судя по свету, день клонился к вечеру. С каменной террасы, где сидел

старик, открывался вид на какой-то океанский простор.

Перед стариком стоял юноша в белом фартуке и с улыбкой, которую обычно изображают в надежде на финансовое вознаграждение.

— Хорошо отдыхается, сэр?

Старик недоуменно поглядел на него и сел поудобнее. Он окинул взглядом молодые парочки за столиками на веранде и пожилых людей, пристально взирающих из-под панам на океан, будто выжидая чего-то. Гостиницы по обе стороны. Пальмы.

Он обернулся к официанту:

— Где я?

Официант вздохнул. Старый пердун был вполне в себе, когда заказывал чай со льдом. Очевидно, дневная жара окончательно расплавилась ему мозги.

— Не желаете ли бокал холодного шардоне, сэр? У нас великолепный выбор. Или вам больше по душе совиньон блан? Или мартини, беллини или соботини? Это фирменный коктейль нашего специалиста-миксолога, Ральфа Собо, в который входит трио...

— Я просил вас озвучить всю винную карту?

— Нет, сэр.

— Тогда отвечайте.

Официант напряженно улыбнулся и с нарочитой медлительностью произнес:

— Вы на веранде гостиницы «Палас-отель». Саут-Бич. Майами. Соединенные Штаты Америки. — Он подался вперед и добавил погромче,

так, что на них стали оглядываться окружающие: — Планета Земля.

Старик недоуменно наморщил лоб:

— И долго я здесь?

— На веранде? Весь день. В гостинице? Понятия не имею. Наш консьерж предоставит вам эти сведения, а также сообщит ваше имя, если вдруг вы и его запомнили. Вам принести что-нибудь выпить или как?

Старик помотал головой:

— Принесите счет.

Официант отошел, хлопая подносом по колену и давая себе мысленное обещание не торопиться со счетом этого дряхлого морщинистого недоумка.

Официант работал в гостинице всего несколько недель и плохо знал местный обслуживающий персонал. Иначе он наверняка слышал бы, что говорили об этом постояльце. В те три месяца, что старик занимал люкс на тринадцатом этаже, в номера по соседству было невозможно поселить гостей. В гостиничной компьютерной системе бронирования непонятным образом возник некий глюк, так что соседние с люксом номера отображались как занятые, хотя они были свободны. Любые попытки наладить программу или не обращать внимания на ошибочные сведения приводили к тому, что в гостинице резко возрастало число досадных недоразумений из-за неверного бронирования и, следовательно, количество недовольных гостей, поэтому консьержи продолжали держать эти номера свободными. Вдобавок пришлось отказаться от попыток списать деньги

с кредитной карточки старика. Безупречный статус и подлинность кредитки не вызывали сомнений, но система отказывалась сохранять данные. В результате, к вящей досаде управляющего, восстановить причитающиеся суммы не удавалось. Гостиничный отдел техподдержки обещал в самом скором времени разобраться с проблемой. Управляющий надеялся, что так оно и будет, потому что подобные обещания выслушивал уже не в первый и даже не в третий раз.

Вот только официант всего этого не знал. Он подошел к кассе, незаметно разорвал счет старика на мелкие клочки, оставил передник на вешалке и, насвистывая, ушел с веранды.

Новый счет старому козлу принесут минут через десять-пятнадцать, но даже мелкое неудобство лучше, чем ничего.

Старик на веранде так долго не ждал. Он выложил на столик десятидолларовую купюру, прижал ее бокалом. Встал. Несколько секунд постоял, в полном спокойствии, с отрешенным лицом.

Потом внезапно улыбнулся.

Улыбка была не простой, веселой или довольной. Она была сложной, разочарованной. Со стороны могло бы показаться, будто он вспомнил о чем-то несрочном, но таком, чего не следовало забывать.

Он в последний раз взглянул на океан, повернулся и направился к дверям гостиничного вестибюля, двигаясь быстрее и увереннее, чем можно было ожидать.

Час спустя официант, освеженный душем, блаженно докуривал второй косячок на балконе своей квартиры, и тут балкон внезапно обвалился; официант рухнул с высоты сорока футов прямо на захламленный двор, где и умер достаточно быстро, потому что обломок железного прута пробил ему грудную клетку и вонзился в сердце.

Это произошло не случайно.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Тогда	9
ЧАСТЬ I	13
ЧАСТЬ II	127
ЧАСТЬ III	267
Сейчас	401

Смит М. М.

С 50 Ханна Грин и ее невыносимо обыденное существование : роман / Майкл Маршалл Смит ; пер. с англ. А. Питчер. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 416 с. — (Азбука-бестселлер).
ISBN 978-5-389-15103-1

Впервые на русском — новый роман Майкла Маршалла Смита, автора (под псевдонимом Майкл Маршалл) трилогии «Соломенные люди» и романа «Те, кто приходят из темноты», по которому был снят сериал «Злоумышленники».

Ханне Грин одиннадцать лет. Ее мама уехала в Лондон, а в папе «переменилось все, кроме внешности». Недавно Ханна выучила новое слово — «обыденный», и теперь готова на все что угодно, «лишь бы не влачить обыденное существование». Например, уехать из Санта-Круза к бабушке. Бабушка много путешествует и теперь ждет ее в штате Вашингтон. Там Ханна узнает, что ее бабушка не просто инженер, но личный инженер Дьявола. Что бабушке два с половиной века от роду. Что без помощи Ханны и бесамезучника по имени Ветроцап, похожего на большой гриб-лисичку, Дьявол и бабушка не смогут починить Машину жертвоприношений, и тогда вся энергия мирового зла вместо того, чтобы поступать, как положено, в ад, начнет переполнять наш мир. И Ханне еще не раз предстоит пожелать, чтобы жизнь ее снова стала «ужасно, невыносимо обыденной»...

«Блестящая книга!» — так отозвался о «Ханне Грин и ее невыносимо обыденном существовании» Нил Гейман.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

МАЙКЛ МАРШАЛЛ СМИТ
ХАННА ГРИН И ЕЕ НЕВЫНОСИМО
ОБЫДЕННОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Наталья Бобкова, Валерий Камендо
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 02.08.2019. Формат издания 84 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 20,28.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-ABA-23477-01-R